

"Хм? Шинигами? Почему ты хочешь узнать о них?" спросил он.

"Я подслушал, как несколько человек в баре упоминали о них, и мне стало любопытно. К тому же они сказали что-то о том, что шинигами хотят есть, а поскольку я тоже хочу..." Я замялся. Тацуя открыл глаза и бросил на меня любопытный взгляд. "Ты проголодался? Ну, не могу сказать, что я сильно удивлен. Здесь это редкость, но не редкость". Тацуя жестом пригласил меня сесть. "Честно говоря, я знаю о них не так уж много. Они довольно загадочная группа. Шинигами можно стать, только обладая высокой духовной силой, и это хорошо, потому что иначе ими стали бы все. Насколько я понимаю, именно высокий уровень духовной силы делает тебя голодным. Их духовная энергия, или реяцу, позволяет им делать всевозможные, казалось бы, невозможные вещи, от исцеления смертельных ран до способности создавать заклинания. У них также есть то, что они называют занпакуто, - по сути, это просто очень мощный меч. Их цель - поддерживать равновесие между мирами, или что-то в этом роде. Это практически все, что я о них узнал". Он наклонил голову и посмотрел на меня, при этом одна сторона его рта причудливо изогнулась. "Ну, и никогда не вступать с ними в драку. Их не зря называют "богами смерти", знаешь ли".

В ту ночь я дождался, пока все уснут, и попытался обратиться к своему реяцу, как называл его Тацуя. До сих пор все, что делала для меня энергия духа, - это притягивала пустоты и делала меня восприимчивым к голоду; настало время сделать что-то полезное. Я обдумал то, что узнал, и то, что знал раньше о мире Bleach. Меня интересовали не бои с использованием реяцу. Я понятия не имел, как мне получить занпакуто, и не знал никаких заклинаний, так что заклинания, которые описывал Тацуя, были мне совершенно недоступны. Зато меня заинтересовало то, что я слышал об исцеляющем кидо. Похоже, оно не требовало никаких заклинаний, и если я научусь его использовать, польза будет неопишуемой.

Я сел в бирманскую позу (потому что медитация - самое подходящее место для начала) и сосредоточился на успокоении дыхания. Глубокий вдох, глубокий выдох, подумала я. Медленно и ровно, вдох и выдох... Через десять минут я заснул.

На третий день выполнения упражнения я наконец-то добился некоторого прогресса. Хорошо, Хисана, - начал я подбадривать себя. Ты можешь это сделать. Ты даже вчера хорошо выпалась, так что, скорее всего, не заснешь. Опять. Да, у меня не очень хорошо получалось говорить ободряющие слова.

Сегодня я попробовал другой подход. Раньше я просматривал свой разум и пытался почувствовать что-то необычное. Пытался найти хоть что-то, что ощущалось бы как энергия любого рода. Это сложнее, чем кажется, когда не имеешь ни малейшего представления о том, что пытаешься найти и как это сделать. Сегодня я собирался попробовать более визуальный метод.

Закрыв глаза, я сначала сосредоточился на том, чтобы очистить свой разум, войдя в первую стадию медитации. Единственное, что имеет значение, подумал я, - это ощущение того, как поднимается грудь, как в нее проникает ветер, как расширяются и сжимаются легкие, как выдыхается теплый воздух. Не знаю, сколько времени я так просидел, чувствуя, как все мои заботы и мысли улечиваются. Затем я начал рисовать.

Я представил себе шар света в центре моего сознания, освещающий темноту вокруг. Он был теплым, успокаивающим, оранжевым, как солнце перед заходом. Я представил себе потоки яркого огня, исходящие из него, ослепительно красивые потоки плазмы, арки жидкого блеска. Они танцевали вокруг, согревая мое тело, как первый глоток идеальной чашки горячего какао со взбитыми сливками и корицей. Я направил потоки к рукам, где они струились, словно реки света. Я представил, как энергия струится из моих ладоней, нагревает воздух, превращаясь в крошечное солнце. И когда я открыла глаза, перед моим взором плавал шар света размером едва ли больше яблока, мягко освещая комнату. Я опустился на свой футон, внезапно обессилев, но не мог не улыбнуться. Шар энергии танцевал передо мной, и я заставил его исчезнуть. Это было не так уж много, но начало положено.

Прошло еще три недели, прежде чем я смог с легкостью ощущать и направлять энергию духа. Прошло два месяца, прежде чем мне удалось заставить свои руки излучать мягкий зеленый свет. Для этого мне потребовалась каждая унция концентрации, и я должен был полностью сосредоточиться на идее исцеления, починки сломанных вещей и помощи в восстановлении, чтобы все получилось. Сосредоточение, повеление, очищение - все это было нелегко. Еще через две недели после этого я взял нож и сделал небольшой порез на ладони, а затем призвал на помощь все имеющиеся у меня знания о заживлении ран. Направив свое реяцу на рану, я приказал ему восстановить лопнувшие капилляры, ускорить скорость выделения коллагена фибробластами и заставить эпителиальные клетки размножаться с невероятной скоростью. Через пять минут я смотрел на тонкий шрам на левой руке. Я рассмеялся, чувствуя, как во мне неудержимо поднимается восторг. Травма была едва ли больше, чем порез от бумаги, и потребовала больше энергии, чем я ожидал, но с этим... с этим я мог работать.

Омаке

"Хи-са-на", - медленно и четко произнесла я. "Можешь сказать это за меня? Хи. Саа. Неа." Рукия пустила в меня пузырь слюны.

"Перестань, Хисана", - засмеялся Тацуя с другого конца комнаты. "Она начнет говорить, когда будет готова. Ты же знаешь, в мире духов люди стареют по-другому. Не волнуйся".

"Я знаю, - хмыкнул я. - Это глупо, но я хочу, чтобы ее первым словом было мое имя. Ну, или "не-чан"".

"Возможно, с "не-чан" тебе повезет больше", - заметил Тацуя. "Хисана" не так-то просто произнести для ребенка". В этот момент в комнату вошел Казуки. "Эй, ребята, как дела, мать вашу!" Он поклялся, споткнувшись пальцем ноги о край стола. "Эта чертова штуковина вечно мне мешает. Черт, как же больно!"

Рукия захихикала, увидев, что ее любимая игрушка страдает. Затем, к моему ужасу, она открыла рот и закричала: "Фу...!" Ее голос прервался, когда я поспешно закрыл ей рот рукой. Тацуя подавился чем-то, что было подозрительно похоже на смех. Услышав слово, которое почти выкрикнула Рукия, глаза Казуки расширились, и он поспешно начал извиняться.

"Фу, то есть, черт, я хотел сказать, Хисана, клянусь Ками, я не хотел, чтобы так получилось! Это просто вырвалось! Пожалуйста, не сердись!" Он повернулся ко мне с огромными щенячьими глазами. Тацуя начал завывать от смеха. Я глубоко вздохнул и на секунду закрыл глаза, а затем спокойно открыл их.

"Кадзуки-кун", - сказал я приятным тоном. Его лицо резко побледнело. Позади него Тацуя внезапно перестал смеяться. "Казуки-кун", - повторил я. "Знаешь, ты мне очень нравишься. Я восхищаюсь твоими навыками и уважаю твой вклад в эту группу. Ты отличный друг, ты многому меня научил, и я думаю, что ты мог бы стать прекрасным старшим братом для Рукии, когда она вырастет. Но, - на моих губах появилась мягкая, понимающая, добрая улыбка, - если первое слово Рукии будет ругательством, потому что ты не смог сдержать свой язык..." Я сделал паузу, глядя ему прямо в глаза, - "...я тебя кастрирую".

Моя улыбка не дотягивала до уровня Уноханы, подумал я. Я сомневался, что она когда-нибудь будет такой, даже если я буду тренироваться тысячу лет. Однако, глядя на испуганное лицо Казуки и пепельно-серое лицо Тацуи, во мне проснулось что-то вроде гордости. Но это хорошее начало.

<http://tl.rulate.ru/book/103014/3574265>